

тельницей «энтузиазма добра», и — в свете всего этого — закономерность финала поэмы, где для увенчания этого «подлинного добра» вводится иной «творец» и иные небеса, чем в основной части поэмы, — вводится идея бога как любви, идеала¹.

Не менее заманчивой представляется и другая параллель. Стремление к гармонии — цель поисков Демона — несомненно, перекликается с диалектической концепцией другого немецкого мыслителя, Гегеля, о полноте человеческой индивидуальности или, как он говорит чаще, духа, о гармонии и блаженстве. Указывая в своих *Лекциях по эстетике*, что для человека нового времени не характерно уже «непосредственное согласие» индивидуальности «с субстанциальным элементом духовой сущности и чувственным элементом духовного проявления», Гегель пишет: «подлинную глубину и интимную полноту духа составляет то, что душа перестрадала свои чувства, силы, переработала всю свою внутреннюю жизнь, что она многое преодолела, перенесла горести, испытала душевную тоску и душевную боль, но соблюла себя в этом терзании и вернулась из этой раздвоенности к себе самой»². Это состояние внутреннего разлада и стремление души «вернуться к себе самой», как жажда гармонии и блаженства, характеризует всякую романтически настроенную личность, и в этом смысле вполне применима к Демону. Важен здесь и подчеркнутый Гегелем факт, что эта гармония не имеет ничего общего с «естественной жизнерадостностью, чувством удовлетворения при наслаждении и душевной безмятежностью», которые навеки утеряны и для Демона. Пользуясь словами Гегеля, можно сказать, что герой Лермонтова отражает как раз тот «отрицательный момент раздвоения», переход через который необходим для достижения «полного блаженства», гармонии, идеала, и его поиски лежат именно в плане преодоления противоречий между «внутренней жесткостью и чопорностью субъективной сферы» и «одухотворенной, внутренней, более высокой идеальной сферой»¹.

Параллель можно было бы продолжить, раскрыв концепцию Гегеля о любви, с ее диалектикой общего и индивидуального, с идеей жертвы и утверждением божественной любви как источника блаженства, подлинной гармонии. Причем в этом плане для нас интересно не только стремление героя к «любви, блаженству и добру», и даже не столько этот порыв Демона, кон-

¹ См. Шеллинг, *Философские исследования о сущности человеческой свободы*, Спб., 1908. Концепция Шеллинга в сопоставлении с поэмой Лермонтова полнее раскрыта в нашей работе: *Poetul Demonul de Lermontov și filozofia lui Schelling* в *Studii de literatură comparată*, Бухарест, 1968. Не пытаюсь рассмотреть здесь вопрос о знакомстве Лермонтова с философией Шеллинга и о возможном влиянии последнего на первого, мы анализируем их произведения как параллельные явления, сопоставление которых позволяет ярче оттенить своеобразие трактовки сходных идей у немецкого мыслителя и русского поэта. Частично такое сопоставление уже было сделано в упомянутых выше работах Б. М. Эйхенбаума *Литературная позиция Лермонтова* и Н. Л. Бродского, *М. Ю. Лермонтов, биография*. В последней работе ставится также вопрос о распространении идей Шеллинга в России первых десятилетий XIX века и о возможном знакомстве с ним Лермонтова. В связи с этим последним вопросом см. также П. Н. Сакулин, *Из истории русского идеализма*. Князь В. Ф. Одоевский, Москва, 1913, стр. 30—35.

² Гегель, *Сочинения*, т. XIV, Москва, 1958, стр. 31.

³ Гегель, там же, стр. 32.